

ВАЛЕРИЙ ВАСИЛЬЕВ

В МОИ СТУДЕНЧЕСКИЕ ДНИ

В жизни всё удачно складывается, когда желаемое превращается в действительное, а потом, по прошествии многих лет, проявляется в ярких воспоминаниях. Вот так у меня сложились отношения с Воронежским государственным университетом. Когда я окончил среднюю школу, я желал стать студентом этого высшего учебного заведения. А поскольку по итогам обучения в школе меня наградили золотой медалью, сдавать экзамены при поступлении в вуз мне не требовалось. Нужно было подать все необходимые документы и пройти собеседование с деканом того факультета, учиться на котором имелось желание.

Меня привлекало филологическое отделение историко-филологического факультета Воронежского государственного университета, ведь я в школе больше всех предметов любил литературу, писал заметки в классную и общешкольную стенгазеты, сочинял стихи, свои рассказы оформлял в книжки-самоделки, которые давал читать родным и знакомым. Да и само это учебное заведение – университет! – было очень престижным.

ВГУ являлся единственным университетом среди вузов и Воронежа, и рядом находящихся других областных центров. Все остальные вузы назывались институтами: медицинский, педагогический, инженерно-строительный, сельскохозяйственный... К тому же эти институты в своём названии тогда не содержали такой характеристики, как «государственный». А вот ВГУ был государственным: Воронежским государственным университетом.

Опытная знакомая учительница не советовала мне поступать на филологию, говоря: «Это что-то несерьёзное. С золотой медалью надо идти на какой-нибудь другой факультет». Мне даже объясняли: «А ты посмотри, сколько получает выпускник университета и какая зарплата у тех, кто окончил

профтехучилище – у них гораздо больше. Ведь мы живём в рабоче-крестьянском государстве».

Но я, честно говоря, не задумывался (после слышал это же от большинства своих однокурсников) о том, на какой должности после выпуска из университета придётся работать. Просто хотелось учиться в университете. К тому же в университете издавалась многотиражка под названием «За научные кадры» (а в пединституте – «За педагогические кадры»).

Моё желание получить высшее образование на избранном мною факультете победило. В июле 1954 года в деканате состоялось собеседование с медалистами, подавшими документы на поступление в университет. Мы шли по очереди на встречу для беседы с деканом Ириной Яковлевной Разумниковой. Беседа проходила исключительно доброжелательно. Вопросы задавались и о причинах выбора именно этого факультета, и о любимом писателе, и о желании участвовать в студенческой общественной работе. В итоге я был зачислен на избранное мною отделение историко-филологического факультета ВГУ, где предстояло мне учиться с 1954 по 1959 год.

Воронежский государственный университет как учебное заведение размещался в те годы в трёх зданиях: главный корпус – красное здание на проспекте Революции; химический факультет – в одном из сохранившихся домов от комплекса кадетского корпуса (за Университетской улицей); ещё здание – на улице Фридриха Энгельса. Вот по последнему адресу, в здании, выходящем фасадом на эту улицу, и располагался историко-филологический факультет. Здесь были наши учебные аудитории, самая большая комната считалась своеобразным актовым залом, а на верхних этажах размещалось мужское студенческое общежитие. Женское общежитие занимало солидное здание во дворе. Иногда наши занятия проходили и в главном корпусе на проспекте

Студенты-филологи
на праздничной демонстрации.
7 ноября 1956 года

Революции. С четвёртого курса наш факультет перевели во вновь отстроенное здание, один вход в которое был с улицы 11 Мая (ныне это площадь Ленина), а другой – с улицы Пушкинской.

В те десятилетия обучение в вузах было платное, причём обоюдное: студентам платили стипендию, а они два раза в год (каждое учебное полугодие) должны были вносить плату за своё обучение. Вместе с тем и в старших классах школы тоже существовала родительская плата за учащихся: в 8-м, 9-м и 10-м классах. В середине второй половины 1950-х годов плату и в школах, и в вузах отменили. Но стипендию стали выдавать уже не всем успевающим студентам, а лишь малообеспеченным – по справкам о зарплате родителей.

Первого сентября 1954 года начались наши занятия на 1-м курсе. Занимались на 1-м этаже, в аудитории, которую называли по исконному её номеру – «одиннадцатая». Это было, пожалуй, самое вместительное помещение в нашем здании на улице Ф. Энгельса: во время лекций в нём находились все студенты филологического отделения, т.е. 50 человек.

Нас поделили на две группы – по алфавиту, согласно нашим фамилиям. Только Геннадий Силов попросился из 2-й в 1-ю группу, так как за время вступительных экзаменов сдружился с Львом Кройчиком, который по своей фамилии принадлежал к 1-й группе. Но мы ведь обычно на лекциях сидели все вместе, а на группы делились лишь на практических занятиях.

Надо сказать, у нас, первокурсников-филологов, сразу же сложились хорошие взаимоотношения. Все оказались взаимно приветливыми, по-хорошему улыбчивыми. Это можно понять: у каждого испол-

нилась мечта стать студентами университета, потому на душе радость – мы по-настоящему товарищи. Кроме воронежцев, на нашем курсе стали учиться и те, кто приехал из Ярославля, из городов Северного Кавказа, из районных центров Воронежской, Брянской и других областей. Немало было близких друг к другу по году рождения.

Наши университетские преподаватели сразу же покорили нас своей эрудицией, педагогическим мастерством, тёплым отношением к нам, начинающим студентам. Главными формами занятий в то время были, конечно же, лекции. На практических занятиях мы, студенты, выступали, как правило, со своими отчётами об усвоенных материалах из той научной и художественной литературы, которую нам полагалось самостоятельно прочитать и законспектировать.

Мы всегда старались подробно записывать содержание лекций в свои тетради, понимая, что эти записи очень пригодятся не только при подготовке к семинарам, но и к зачётам и экзаменам. Нам было очень интересно общаться с известными учёными – нашими преподавателями. Занятия по советской литературе проводил Анатолий Михайлович Абрамов, крупнейший специалист по творчеству В.В. Маяковского, автор опубликованных глубоких исследований об этом поэте и ряде других писателей советской эпохи. Анатолий Михайлович иногда рассказывал нам о своих впечатлениях от личного общения с известными поэтами и прозаиками. Супруга А.М. Абрамова, Антонина Тимофеевна, вела занятия по русскому языку. Она была куратором нашей группы, впоследствии руководила поездкой в Ленинград – согласно учебному плану знакомства студентов-филологов с замечательными культурными

Валерий Васильев
с однокурсниками В. Карповым,
Г. Силовым, В. Гусевым,
А. Дьяковым

ми учреждениями (театрами, музеями, библиотеками), находящимися в этом городе.

Анатолий Михайлович во внеучебное время, бывало, читал нам, членам студенческого литобъединения, свои стихи, написанные им в молодые годы. В одном из стихотворений рефреном шла строчка: «И девчонка на примете...». Мы, участники литобъединения, с улыбками переглядывались: «Это об Антонине Тимофеевне сказано». Кстати, когда я, окончив университет, стал через некоторое время заместителем директора СШ № 37 города Воронежа, то руководил обучением, в том числе, и младшего сына четы Абрамовых – Серёжи.

Сергей Георгиевич Лазутин, доцент кафедры литературы, работал с нашим курсом в течение нескольких лет. Его в научных кругах знали как глубочайшего исследователя русского народного творчества. Его книга о фольклоре Воронежского края пользовалась большой популярностью. Сергей Георгиевич был очень общительным, нередко с нами беседовал на различные жизненно интересные темы. Он рассказывал и о годах своей учёбы до Великой Отечественной войны, и о встречах с писателями и литературоведами. С.Г. Лазутин поощрял наши студенческие занятия сочинительством стихов, присутствовал на заседаниях университетского литературного объединения. (Тоже кстати: через много лет супруга Сергея Георгиевича, Алла Дмитриевна, работая заведующей кафедрой французского языка в пединституте, принимала у меня кандидатский экзамен, когда я готовился к защите диссертации.)

Алла Борисовна Ботникова была в ту пору молодой, но очень глубоко знающей зарубежную литературу. Мы считали, что она знакома с творчеством

писателей всех стран и народов Западного полушария. Особенно тепло к ней относились наши студентки. Они иногда, как мне коротко о том рассказывали, посещали её на дому и даже оказывались в курсе событий из её личной жизни.

Занятия по литературе народов СССР проводила Полина Андреевна Бороздина, некоторое время назад приехавшая в Воронеж из Средней Азии. Поэтому она со всеми подробностями и глубиной характеризовала произведения Г. Низами, А. Навои, А. Джами, Джамбула, а также Шота Руставели, Сулеймана Стальского, Расула Гамзатова и др.

Чешский язык нам преподавал член-корреспондент Академии педагогических наук, специально на наши занятия приехавший из Москвы (речь идет о профессоре П.Г. Богатыреве. – Ред.). Он был переводчиком на русский язык книги Ярослава Гашека «Похождения бравого солдата Швейка». Именно этот наш преподаватель объяснил, что в чешском языке во всех словах ударение делается на первом слоге. С тех пор я фамилию великого чешского педагога Яна Амоса Коменского всегда произношу с ударением на первый слог, а не иначе, как нередко по-другому звучит эта фамилия из уст людей, считающих себя крупными специалистами.

Старославянский язык вела довольно требовательная и самая старательная преподавательница с интересной фамилией – Чижик-Полейко. Мы, её студенты, так и не смогли узнать, какая часть этой составной фамилии у неё девичья, а какая – от мужа. Лекции по старославянскому языку были чёткими, темп изложения материала Чижик-Полейко имела такой, что мы вполне успевали записывать в своих тетрадях все её фразы.

Студент Валерий Васильев
«взят в плен» однокурсницами. 1956 год

Почему-то ходила легенда, что слишком строгая преподаватель латинского языка Рыкова. Но, по моим воспоминаниям, она вполне объективно оценивала знания своих студентов. Надо было нам, конечно, заучивать не только отдельные слова на латинском языке, но и яркие, образные выражения, сохранившиеся в современной мировой культуре.

Увлекательно и доходчиво организовывал изучение логики работавший в университете по совместительству преподаватель Воронежского суворовского училища – майор по воинскому званию.

На старших курсах проводила у нас практические занятия Евгения Борисовна Артёменко, тогда только ещё начинающий преподаватель, затем перешедшая на преподавательскую работу в пединститут и впоследствии ставшая заслуженным деятелем науки.

Юрий Эдуардович Штукман, выдающийся гимнаст и тренер, известный своими победами в соревнованиях самого высокого уровня, по счастливому стечению обстоятельств занимался с нашим курсом физкультурой. Учебные часы физкультуры проходили в спортивном зале университетского красного корпуса на проспекте Революции. Помимо владения спортивным мастерством, Юрий Эдуардович отличался чутким педагогическим подходом, и по его тренерским указаниям довольно непростые упражнения на гимнастических снарядах удавалось выполнить с необходимой для студентов оценкой «зачтено». Я, как и другие мои однокурсники, уже в начале 1-го курса сдал все нормы ГТО и получил заветный значок и соответствующее удостоверение.

Начальником военной кафедры был генерал (генерал-майор В.В. Болознев. – Ред.). Потом его сменил опытный преподаватель этой кафедры Негрбов, которому именно в год работы с нашим курсом было присвоено так давно ожидаемое им звание

полковника. В первые дни после присвоения этого звания он, называя себя, особо подчёркивал: «*Полковник Негрбов!*» Негрбовым проводились с нами занятия, где мы готовились к роли командира стрелкового взвода. Помнится, что когда приехала из Москвы комиссия проверять качество военной подготовки, одно из контролируемых занятий в качестве командира стрелкового взвода полковник Негрбов поручил провести мне. Я был рад, что в итоге не нашлось по этому занятию никаких замечаний.

В середине XX века у нас в университете было (и сейчас, я уверен, есть) много преподавателей с высокими учёными званиями и степенями. Однако при написании курсовых и дипломной работ я выбрал всё-таки своим научным руководителем старшего преподавателя кафедры русского языка Василия Петровича Никифорова. Чем был обусловлен этот мой выбор? Дело в том, что Василий Петрович, при всей его солидности, был искренним и психологически спокойным человеком. Он читал лекции размеренно, убедительно, без эмоциональных всплесков. Именно «эмоциональные всплески» некоторых наших преподавателей-женщин особенно нравились многим моим однокурсницам, и они выбирали в свои научные руководители эмоционально близких им людей. Также многих студентов привлекали в преподавателях их учёные звания и должности.

А Василий Петрович Никифоров был «без званий и наград». Он однажды рассказывал, что до революции имел звание магистра, но в послереволюционные годы такое научное звание отменили. Ещё он признавался, что родом из украинской глубинки и ему поначалу было непросто учиться из-за «хохлацкого произношения»: даже свою фамилию он тогда произносил «Никихворов» (потом «исправился»). Меня привлекали в Василии Петровиче его благородная простота, серьёзность, прочный запас нуж-

ных для профессии знаний, объективность в оценке работ и ответов студентов. Опережая события, скажу, что на защите моей дипломной работы по творчеству замечательного русского поэта-воронежца Алексея Васильевича Кольцова В.П. Никифоров подчёркивал её самостоятельность, творческую, свежий взгляд на поэзию классика русской литературы. И комиссия приняла мою дипломную работу с оценкой «отлично».

Но это будет нескоро – после пяти лет учёбы в ВГУ. А пока мы успели проучиться на 1-м курсе лишь две-три недели, как наша группа, подобно всем другим, была отправлена на полевые работы в Семилукский район – в село Медвежье. Нас «бросили на кукурузу»: девушки должны были срывать спелые початки и складывать их в мешки, а парни, которых было меньшинство, относить эти мешки и сыпать початки в общую кучу. Одна из студенток стала нас в шутку звать: «Рыбьята! Идите сюда! У меня мешок полный». Мы ей ответили тоже шуткой: «Слышим тебя, крысавица! Сейчас подойдём». Все смеялись над обоюдными шутками.

Мне дали запряжённую лошадей подводу для перевозки собранного урожая. Иногда на этой лошади я ездил верхом.

Хочу сказать, что наше студенческое участие в сельском хозяйстве (на 1-м курсе мы там были 19 дней) не только оказывало реальную помощь в уборке урожая, но и во многом сплачивало студенческие коллективы. Да, мы, студенты-юноши, проживали вместе в одной комнате, которую предоставили нам в своём доме сельские жители. Мы, естественно, постоянно общались между собой, имели единый режим дня, питались из общего котла, проявляли свои индивидуальные особенности. И на совхозных полях, и по пути в село, и в деревенской избе – вместе! Так складывались дружеские отношения, лучше познавался характер друг друга, шло обогащение своего, пока ещё небольшого жизненного опыта яркими эпизодами из рассказов о себе и о своих происшествиях, которые случалось услышать от сверстников.

Надо признаться, что в скудных материальных условиях того времени, в которых жили наши родительские семьи, питание за счёт совхоза, давшего студентам фронт работ, позволяло нам экономить свои деньги, ведь стипендии были, конечно же, очень небольшие.

Вместе с нами на сельхозработы в качестве непосредственных руководителей направлялись и наши преподаватели, а также аспиранты (Бирюков, Фёдоров, Гудошников). По «законам педагогики» им полагалось не только организовывать наш сту-

Василий Петрович Никифоров

денческий труд, но и работать вместе с нами, подавая пример своим подопечным. Очень памятен мне солнечный сентябрьский день (уже на 2-м курсе – в совхозе «Прогресс» Панинского района), когда мы вдвоём (остальные наши студенты были на других участках совхозных полей) с заведующим кафедрой литературы ВГУ Анатолием Михайловичем Абрамовым «конспектировали» (как мы шутливо выражались) силосную яму, куда были ссыпаны остатки стеблей, скошенных после сбора початков кукурузы. Яма была заполнена выше поверхности поля, и мы с Анатолием Михайловичем лопатами забрасывали землёй уложенные растения. Люди из совхоза нам объяснили, что там, в яме, создаётся силос – очень хорошее питание в зимний период для коров и других жвачных животных.

Бывали мы и на знаменитой картошке: часто ведь городское население направлялось в помощь труженикам колхозов для сбора урожая. Трактор с плугом проходил по рядам высаженной в поле картошки, а мы, студенты, в ведра и мешки собирали созревшие клубни основного продукта питания населения в те десятилетия XX века.

Приходилось и сопровождать грузовые машины с зерном, которое отвозили на элеватор. Почему-то надо было ехать в кузове, лёжа на горой насыпанном зерне. Зерно было в осеннюю пору, конечно же, особенно влажным, холодным, и некоторые наши студенты из-за этого серьёзно простудились.

Но в целом весь наш курс за время сельскохозяйственных работ показал, что у нас есть хорошая дисциплина физического труда: никаких нарушений установленного порядка, отказов, споров или ссор ни с людьми из совхоза, ни внутри наших групп, а это твёрдо помню, не возникало.

В студенческие годы мы трудились на благо Родины не только в сельской местности – при выезде на сельхозработы. И в Воронеже нас направляли на нужные общественные работы. Так, наш курс помогал убирать трамвайную линию с улицы Университетской (ныне улица Феокистова). До войны от железнодорожного вокзала по улице Студенческой, мимо медицинского института, ходил трамвай № 6. Тогда Студенческая улица имела выход на Привокзальную площадь (ныне площадь Черняховского) и потом шла к улице Ф. Энгельса (а улица Кольцовская заканчивалась у забора медицинского института – далее местность, застроенная железнодорожными домами, называлась «Кольцовский тупик»). Нам было поручено из-под снятых трамвайных рельсов особыми огромными щипцами выносить и складировать шпалы.

Копали мы и траншею на улице Карла Маркса для каких-то канализационных труб. В следующий раз заполняли щебнем и выравнивали лопатами дорогу к студенческой столовой на улице Фридриха Энгельса. Было и такое: в начале летних каникул в конце 1950-х годов мы несколько дней трудились над обустройством котлована для последующего возведения большой пристройки к красному зданию ВГУ на проспекте Революции (с правой стороны основного здания, если смотреть от главпочтамта). Много носилок с грунтом пришлось нам и насыпать, и относить для наполнения кузовов самосвалов. Но мы и с этими работами справлялись, ведь в нашем сознании ещё жил лозунг первых послевоенных лет: «Из груды развалин, из пепла пожарищ мы возродим тебя, родной Воронеж!»

Среди разовых общественных поручений студенческих лет вспоминаю наше участие в дежурстве в вечернее время в роли народных дружинников. Мы группой, получив в отделении милиции зону нашего дежурства, обходили указанные нам улицы, наблюдая, чтобы никто не безобразничал.

Привлекали нас, конечно, и другие занятия. На филологических отделениях нашего факультета училось немало студентов, которые активно сочиняли стихи. Некоторые из них даже публиковались в местных газетах, в журнале «Подъём». В рамках факультета существовало самодетельное литературное объединение, которое периодически проводило свои заседания. Участники этого объединения

обычно выступали с чтением собственных стихов на студенческих концертах в связи со знаменательными датами и праздничными днями.

В первые годы моей учёбы в ВГУ литературное объединение возглавлял старшекурсник Дмитрий Дёмин. Он со вниманием относился к новым членам, давал им возможность на каждом заседании прочитать свои стихи, высказывал одобрительные замечания.

Собственные стихи, кроме Дмитрия Дёмина, читали старшекурсники Ирина Озерова, Юрий Сурма и др. Мы тоже старались не отставать от более опытных коллег. На нашем курсе училась Светлана Филюшкина, чьи стихи печатались ещё в её школьные годы в областной газете «Молодой коммунар». Литературное объединение пополнили также Владимир Гусев, Лев Кройчик, Геннадий Силов, Людмила Бахарева. Мы ввели такую практику: в воскресные дни собирались в университете и работали над оформлением больших, длиной в несколько метров, настенных стендов, где помещались наши творения. Получившиеся рукописные «свитки» вывешивались на этих стендах в университетских коридорах, и все студенты (и преподаватели) могли читать произведения, созданные благодаря творческому вдохновению начинающих поэтов.

С годами в наше литературное объединение приходили новые авторы – новые первокурсники. Особенно запомнились выступления с чтением своих стихов Валерия Мартынова, выпускника 28-й школы, Олега Шевченко и др.

Не все участники нашего литературного объединения впоследствии стали профессиональными поэтами, авторами опубликованных произведений. А вот воронежец Владимир Гусев, наш однокурсник, живущий ныне в Москве, сумел издать несколько солидных и замечательных по художественным достоинствам романов и сделался даже одним из руководителей московской писательской организации. Издавались авторские книги Светланы Филюшкиной, Людмилы Бахаревой, Геннадия Луткова, присоединившегося к нашему курсу через несколько лет.

Иногда на заседаниях литобъединения читали свои творения и наши преподаватели. Так, однажды большую автобиографическую поэму прочитал Б.Т. Удодов, служивший в годы войны в десантных войсках. Благодаря участию в литобъединении мы, студенты-сочинители, получили возможность лично встречаться с известными в то время поэтами и прозаиками, посещавшими наш город. Вот в зале редакции областной газеты «Коммуна» мы слушали выступления с чтением собственных стихов Николая Старшинова, Юлии Друниной и др. В Доме жур-

налистов были на заседании, которое вёл Анатолий Жигулин. Помню встречи с воронежскими писателями: Николаем Задонским, Максимом Подобедовым, Владимиром Кораблиновым, Гавриилом Троепольским, Владимиром Гордейчевым, позднее – с Эдуардом Пашневым, Алексеем Прасоловым и др.

Хочу точно сказать, что именно в годы нашей учёбы в университете был впервые организован и проведён такой творческий праздник, который получил название «Студенческая весна». В течение нескольких мартовских дней наши студенты показывали свои таланты: петь, плясать, читать стихи, водить хороводы, выпускать яркие, красочные стенгазеты – самим радоваться весеннему пробуждению природы и всех других, в первую очередь наших преподавателей, радовать кипучей энергией молодого поколения.

Вместе с тем и хозяйственные работы, и общественные нагрузки, и занятия в свободное время любимым делом абсолютно не мешали нам успешно осваивать учебную программу высшего филологического образования. Прослушав и записав лекции преподавателей, выступив на практических и семинарских занятиях по заданным нам темам, мы ещё и вечерами встречались в читальном зале Воронежской областной библиотеки. Эта библиотека располагалась на первом этаже большого дома № 19 по улице 11 Мая (ныне улица Театральная). Тогда ещё не было построено здание библиотеки имени Никитина на площади Ленина. А в прежней библиотеке всегда удавалось получить для работы в читальном зале указанные нам преподавателями книги и журнальные статьи. В зале обычно соблюдалась рабочая тишина, несмотря на то, что читателей бывало довольно много: в те годы домашние библиотеки ещё не имели широкого распространения, да и приобрести нужную книгу или журнал было не так уж возможно и по семейным финансовым проблемам, и по ограниченному их количеству в книжных магазинах.

Областная библиотека здорово помогала нашему студенчеству приобщаться и к изданиям прежних лет, и к самым современным публикациям о научных исследованиях по изучаемой тематике, и к новинкам художественной литературы. Добытые там сведения и полученные знания нами успешно использовались на семинарах, зачётах и экзаменах.

Пользовалась заслуженным уважением и университетская библиотека: здесь можно было заказать, взять для чтения и проработки перед учебными отчётными мероприятиями наиболее редкие книги. Библиотека носила название «фундаментальной». На студенческом сленге это обычно звучало так: «Найдём эту книгу в фундаменталке».

Правда, в воронежских библиотеках всё-таки не все требующиеся издания можно было найти. Поэтому поиск печатных и наглядных материалов для дипломной работы многие наши студенты продолжили, воспользовавшись на 5-м курсе организованной поездкой, согласно учебному плану факультета, на практику в Ленинград и Москву: занимались там в крупнейших библиотеках страны – имени М.Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде и имени В.И. Ленина в Москве.

Но это будет на 5-м курсе, а во втором полугодии на 4-м курсе у нас проходила педагогическая практика в школах Воронежа. И вот так совпало, что меня для прохождения практики направили в ту самую школу, которую я окончил, – в среднюю школу № 37. Я об этом никого в деканате не просил – просто так получилось. Мне от этого на практике было особенно легко, ведь я проводил зачётные уроки и внеклассные мероприятия в классах, где работали мои прежние учителя. Мне помогали советами готовиться к урокам Алексей Алексеевич Образцов и Семён Филиппович Тумель, учителя русского языка и литературы. Я выполнял обязанности классного руководителя-практиканта с теми учащимися, у которых классными руководителями были известные мне добрые Валентина Васильевна Бортникова и Клара Сергеевна Папченко.

Педагогическая практика продолжалась и в первом полугодии на 5-м курсе – всё в той же 37-й школе. Руководил воспитательной частью педагогической практики Пётр Иосифович Фарбер, учитель истории. Мы проводили внеклассные мероприятия вместе с моим однокурсником Владимиром Гусевым. Пётр Иосифович высоко оценил нашу практическую работу, написал положительные рецензии на наши отчёты. Кстати, П.И. Фарбера вскоре назначили директором СШ № 51. Мы с ним впоследствии много общались по служебным вопросам, когда я стал работать заместителем заведующего Воронежским городским отделом народного образования.

В 20-х числах января 1959 года наш курс организованно был направлен в Ленинград и Москву для знакомства с величайшими культурными достижениями нашей страны. Да, если университет готовил выпускников как людей именно с высшим образованием, они должны были свои знания, свои личные впечатления от общения с историческими культурными ценностями впоследствии осознанно нести в массы, в народ, в юную его часть – подрастающему поколению.

В Ленинграде мы несколько дней, согласно выданным нам абонементом, посвятили организованному экскурсиям по Эрмитажу. Нас познакомили с архитектурой этого здания, с выставкой античного

искусства, с итальянской и нидерландской живописью. Мы побывали в самых главных помещениях Зимнего дворца. Затем увидели Адмиралтейство, Таврический дворец, Смольный, Финляндский вокзал. Побывали в Русском музее, Военно-морском музее, Музее истории Ленинграда, в Пушкинском доме, в Некрополе, Казанском и Исаакиевском соборах. Несколько дней работали по материалам для своих дипломных в библиотеке им. Салтыкова-Щедрин. А по вечерам смотрели спектакли в театре им. Ленинского комсомола («Город на заре» А. Арбузова), во Дворце им. Кирова на Васильевском острове (балет «Лебединое озеро»), в театре им. Кирова (опера «Севильский цирюльник» и балет «Медный всадник»), в театре им. Пушкина (спектакль Б. Лавренёва «Оптимистическая трагедия»), в театре им. М. Горького (пьеса чешского автора П. Когоута «Любовь такая»).

В Москве нас поселили в общежитии МГУ на Стромьнке. Мы много трудились над своими дипломными работами в Ленинской библиотеке. Но, конечно, нашли время самостоятельно посетить Выставочный зал на Манежной площади (выставка живописи и скульптуры художников социалистических стран), Выставочный павильон на Кузнецком мосту (выставка живописи и скульптуры 1958 года), оружейную палату в Кремле. Были в музее изобразительных искусств им. Пушкина (выставка произведений А. Марке). Во МХАТе видели спектакль «Анна Каренина», в Большом театре слушали оперу «Борис Годунов» (со знаменитым певцом Иваном Петровым в главной роли). В Кремлёвском театре был концерт симфонического оркестра Всесоюзного радио (пела Зара Долуханова). В Малом театре на спектакле «Власть тьмы» восторгались игрой Игоря Ильинского, Татьяны Дорониной, Виктора Хохрякова. Во Дворце спорта нам показали балетно-цирковое представление на льду «Зимняя фантазия». В Колонном зале Дома Союзов в 1-м отделении был вечер зарубежной песни, во 2-м – играл оркестр под управлением Ю. Силантьева (пели Бунчиков, Давидян, Озолина).

А в здании МГУ на Моховой улице я, по договорённости, имел встречу с московским доцентом Уховым с целью консультации по содержанию моей дипломной работы. Было ещё немало встреч с интересными людьми, ярких культурных мероприятий. Всё это, несомненно, способствовало расширению культурного кругозора выпускников Воронежского государственного университета.

Весной 1959 года мы завершили свои дипломные работы и готовились к выпускным государственным экзаменам. Именно в эти месяцы стано-

вилось постепенно известно, что студентки нашего курса одна за другой повыходили замуж. Когда мне поручили на эскизе большой коллективной фотографии нашего выпуска подписывать фамилии, то немало женских фамилий оказались новыми.

В итоге нам вручили дипломы о высшем филологическом образовании. Вместе с дипломами мы получили и соответствующие значки об окончании ВГУ. В те годы такие значки были не во всех вузах. Тем выпускникам, у которых дипломы назывались «с отличием», разрешили трудоустроиваться самостоятельно. Остальных, как это было положено, направили работать по распределению, преимущественно в районы нашей области, но кто-то попал и в Таджикистан. Правда, несколько наших сокурсников уже трудоустроились до окончания 5-го курса в редакциях газет и на комсомольской работе.

Сказать по-честному, мы до окончания университета не очень задумывались, кто кем будет работать: важно было получить высшее образование по тому профилю, к которому душа лежала. Поэтому потом у всех всё получилось по-разному: кто-то стал работать журналистом, некоторые были приняты в качестве педагогов в школы, несколько человек получили работу в комсомольских организациях. Были рекомендации для поступления в аспирантуру. Впоследствии значительная часть нашего выпуска обязалась учёными степенями.

Хочется отметить, что на самом деле наш курс был настолько дружен, что после окончания вуза мы в течение многих лет устраивали общие встречи с приглашением своих уважаемых, любимых преподавателей. Мы с интересом общались друг с другом, уже обзаведённые семьями, имеющие детей, получившие солидные должности, добившиеся определённых успехов в жизни. К сожалению, всё чаще и чаще приходилось чтить память безвременно уходящих из жизни бывших наших сокурсников...

Да, я искренне благодарен своему родному Воронежскому государственному университету за то довольно высокое образование, которое я получил, обучаясь и воспитываясь в этом высшем учебном заведении. Впоследствии мои бывшие университетские преподаватели приводили ко мне на уроки студентов, когда у тех наступал период педагогической практики, и я готовил их к проведению зачётных уроков. Позднее, получив степень кандидата педагогических наук, я активно сотрудничал с университетом: был по совместительству методистом кафедры педагогики, участвовал в научно-практических конференциях, проходил процедуру повышения квалификации на той же кафедре педагогики, руководил повышением квалификации некоторых преподавате-

Десятилетие выпуска бывшие студенты-филологи отмечали со своими преподавателями: П.А. Бороздиной, С.Г. Лазутиным, А.Т. Абрамовой и др.

лей этой же кафедры на возглавляемой тогда мною кафедре педагогики и психологии ВОИПКиПРО.

Мои знания и опыт педагогической работы потребовались и в других вузах Воронежа. Так, в 90-е годы прошлого века я по совместительству преподавал в Воронежском государственном педагогическом университете, на кафедре теории и методики воспитательной работы. В течение нескольких лет меня назначали председателем Государственной экзаменационной комиссии при выпуске студентов историко-педагогического факультета, факультета истории и методики пионерской работы.

Пять лет я проводил занятия по психолого-педагогической программе с аспирантами Воронежской государственной технологической академии (ныне Воронежский государственный университет инженерных технологий). Каждый год из этих пяти лет я входил в состав комиссий по приёму кандидатского экзамена по педагогике у этих аспирантов.

В годы моей научной деятельности я руководил научно-исследовательской и опытно-экспериментальной работой по следующим темам:

- «Пути эффективного удовлетворения информационных потребностей педагогов»;
- «Нестандартные виды современного урока»;
- «Идеи и принципы народной педагогики»;
- «Проектно-исследовательская технология»;
- «Технология психолого-педагогических влияний в образовательном процессе на основе психологических эффектов» (по данной теме издано 33 книги и брошюры, в том числе в московском издательстве АРКТИ).

Имею звание заслуженного учителя Российской Федерации, награждён знаком «Отличник народного просвещения», медалью К.Д. Ушинского, почётными грамотами: Министерства просвещения

РСФСР, ЦК ВЛКСМ, районных, городских и областных ведомств. В 2012 году Фондом развития отечественного образования награждён в составе группы авторов дипломом лауреата Всероссийского конкурса на лучшую научную книгу 2011 года. Был делегатом и активным участником четырёх Всероссийских съездов педагогов-психологов образовательных учреждений (дважды в Москве, в Санкт-Петербурге и Ростове-на-Дону). Участник ряда международных, всероссийских и национальных научно-практических конференций (Москва, Харьков, Донецк, Белгород, Запорожье, Могилёв, Красноярск, Дивногорск, Липецк, Чебоксары, Ташкент и др.). Участвовал в психолого-педагогических семинарах в Ставрополе, Челябинске, Вологде, Новгороде Великом, Крыму (п. Фрунзенское), Подмосковье (п. Дзержинский), в Эстонии (под Нарвой).

Автор более 350 опубликованных научных и научно-методических работ, в том числе на английском и узбекском языках. У меня 6 публикаций в журнале «Народное образование», по одной в журналах «Политическая работа», «Сельская школа», «Образование и воспитание» (Минск, Беларусь), «Классный руководитель», «Наука и практика воспитания и дополнительного образования».

Убеждённо считаю, что всё это является отсроченным результатом того высокого уровня образования, которое в 50-х годах прошлого века дали мне преподаватели нашего Воронежского государственного университета, носившего имя Ленинского комсомола.

И ещё есть очень важное обстоятельство, благодаря которому я считаю ВГУ поистине родным, – кроме меня, этот вуз окончили моя мама, моя жена, дочь, зять, сестра, племянник, жена племянника, дочь двоюродного брата. Вот сколько в нашем роду «вэгушников»!